

ШКОЛЬНАЯ БИБЛИОТЕКА

Ирина Антонова

**ТИЛИ-ТИЛИ-
ТЕСТО**

Школьная библиотека (Детская литература)

Ирина Антонова

Тили-тили-тесто

Издательство «Детская литература»

2014

Антонова И. А.

Тили-тили-тесто / И. А. Антонова — Издательство «Детская литература», 2014 — (Школьная библиотека (Детская литература))

Мальчики влюбляются часто. Только девочки, которые им нравятся, почему-то не спешат заводить с ними дружбу. А между тем каждая девчонка с пелёнок мечтает о женихе. Об этом пишет в своих весёлых рассказах Ирина Антонова. О чудесах, произошедших в новогоднюю ночь, говорится в сказочной повести «Тринадцатый пират». Для среднего школьного возраста.

© Антонова И. А., 2014
© Издательство «Детская
литература», 2014

Содержание

Как я стала писателем	7
Веселые рассказы	9
Иванова, Петров, Сидорова	12
Батончики	16
Приходи ко мне сегодня	18
Эксперимент	20
Мы сейчас...	24
Записка	28
Сколзанка	31
Реклама	33
Джинн and Тоник	36
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Ирина Алексеевна Антонова
Тили-тили-тесто
Весёлые истории

И. Антонова

Как я стала писателем

Когда я была маленькой и взрослые задавали мне вопросы с ключевым словом «почему», я часто отвечала им: «Потому что!», считая, что всё доходчиво объяснила. Сейчас, когда на встречах читатели спрашивают меня: «Почему вы решили стать писателем?», очень хочется ответить также: «Потому что!» Ну не могу я однозначно сказать, что ещё в детстве почувствовала своё предназначение и раз и навсегда избрала для себя эту непростую, но увлекательную профессию.

С тех пор как себя помню, я жила в мире фантазий, игры, сказки. Моими друзьями были игрушки: плюшевые, резиновые, пластмассовые – это те, что покупали родители, – остальные я мастерила сама из бумаги, ниток и лоскутков, лепила из пластилина или глины. Вот для них-то я и сочиняла сказки. Вернее, не так. Это игрушки оживали в моих фантазиях и отправлялись в неведомые земли, становились участниками необыкновенных приключений.

Конечно, тогда я ничего не записывала: просто в голову не приходило это делать, ведь была масса уже написанных детских книг, которые я любила не меньше игрушек. Сначала я приставала к родителям с просьбой почитать, а когда научилась делать это самостоятельно, могла часами просиживать над волшебными страницами.

Пожалуй, впервые записать мои творения «заставили» меня племянники. Лето мы проводили вместе в деревне. Я отдыхала от школы, они – от детского сада. И я сочиняла для них стихи наподобие сказок Корнея Чуковского. Как известно, маленькие дети часто просят повторять понравившиеся им произведения. Вот, чтобы ничего не забыть, я и заносила родившиеся строки в блокнот. Но и это пока не было настоящим писательством, хотя первые слушатели у меня уже появились.

В старших классах я пыталась вести дневник. Но делала это нерегулярно. Если не случилось ничего интересного, то записывать пустые фразы я ленилась. А если что-то меня волновало, то получившаяся запись мало походила на дневниковую: очень уж она была подробной, с размышлениями, потому что хотелось впоследствии, перечитав, снова окунуться в происшедшее. Выходило что-то вроде рассказиков, девчоночьих, несовершенных, предназначенных для единственного читателя – себя самой.

А ещё у меня рождались стихи, которые я читала на школьных вечерах. Да и сочинения по литературе (бывало) писала в стихах (например, по «Грозе» Н. Островского), чем умиляла учителей и злила одноклассников, ведь за такое сочинение я неизменно получала похвалы и пятёрку.

Стихи я придумывала и для своей крошечной дочки – это уже когда я окончила институт и вышла замуж. Укачивая, я бормотала ей что-то, неведомо как забредшее в голову. Кстати, институт я закончила технический, готовилась стать инженером. А стихи, рассказы – это было так, для души, ведь я понимала, что одной фантазии недостаточно. Чтобы создавать настоящие литературные произведения, надо учиться, как, впрочем, и любому другому делу, которым решишь заниматься профессионально. И я училась – в литобъединениях и семинарах. Мне повезло. Моими наставниками в разное время были замечательные писатели: Юрий Коваль, Владимир Сергеев, Юрий Кушак, Сергей Иванов, Роман Сеф. Им, робея, я и показывала свои придумки. Главным же моим «университетом» стал журнал «Мурзилка» – его семинар для молодых писателей под руководством великого мастера Юрия Иосифовича Коваля, ответственный секретарь Кира Николаевна Орлова, давшая мне профессию редактора, и главный редактор «Мурзилки» Татьяна Андросенко, пригласившая меня в журнал работать. Всё это помогало формировать мой литературный вкус и оттачивать писательское мастерство.

По-настоящему, по-серьёзному, я почувствовала, что мои фантазии интересны не только мне и что я могу написать что-то стоящее, после выхода первого рассказа в журнале «Мур-

зилка». В те времена (1991 год) тираж «Мурзилки», по нынешним меркам, был сумасшедшим – 2 миллиона 900 тысяч. Почему-то (какая наглость!) мне представилось, что 2 миллиона 900 тысяч детей читают мой рассказ ОДНОВРЕМЕННО. От такого видения я глубоко вздохнула, а выдохнуть не получилось. Наверное, именно это и называют – дух захватило. Позднее вместе с редакцией «Мурзилки» я как-то была на встрече с библиотекарями Москвы. Я прочитала им единственный опубликованный на тот момент рассказ «Иванова, Петров, Сидорова». То, что произошло по окончании встречи, стало для меня неожиданностью. Библиотекари по очереди подходили ко мне и приглашали выступить перед их читателями, спрашивали, где купить мои книги. А книг-то и не было! Просто они не были ещё написаны.

Итак, «Иванова, Петров, Сидорова»... С него-то всё и началось, тема моих будущих коротких историй определилась – школьная любовь. Как часто в детстве я влюблялась! А объект моего внимания, бывало, об этом даже и не догадывался! Чего уж там скрывать – не всегда с охотой собиралась я в школу. Но вдруг вспоминала ЕГО – того вихрастого мальчишку, подчас шалопая и двоечника, которого непременно увижу, – и ноги сами несли меня в класс.

Многие из вас знают, как сложно обратить на себя внимание, а уж понравиться – и того труднее. Вот и искала я способы незаметно, ненавязчиво пообщаться, а уж если повезёт, то и подружиться с недогадливым объектом моего внимания. Да ещё чтобы об этом никто не знал. Это у взрослых всё просто – подошёл и пригласил, к примеру, на день рождения! А в детстве... Не дай бог, кто что пронюхает и бросит в спину: «Тили-тили-тесто, жених и невеста!» Всё! Засмеют! Задрязнят! Не отвяжутся! Вот и захотелось мне в своих рассказах: поделиться наблюдениями с юными читателями. Но не просто так, а с юмором. Может, кому и пригодится?

Со временем помимо рассказов о девчонках и мальчишках я стала писать сказки, сказочные повести, пьесы для кукольных театров («Принцесса о-Цуру», «Умная Матрёна», «Принц и Фея»...), сценарии для киножурнала «Ералаш» и детских телепередач. Стали выходить и книжки («Иванова, Петров, Сидорова», «Тринадцатый пират», «Мурзилка и Баба-яга», «Тайна гранатовых зёрен», «Весёлые рассказы про любовь и дружбу»).

Одну из них – «Тили-тили-тесто» – вы держите сейчас в руках. О чём она? О дружбе и, конечно, о любви. Возможно, кто-то узнает в некоторых персонажах себя или своих одноклассников. В любом случае, думаю, что с этой книжкой вы не заскучаете.

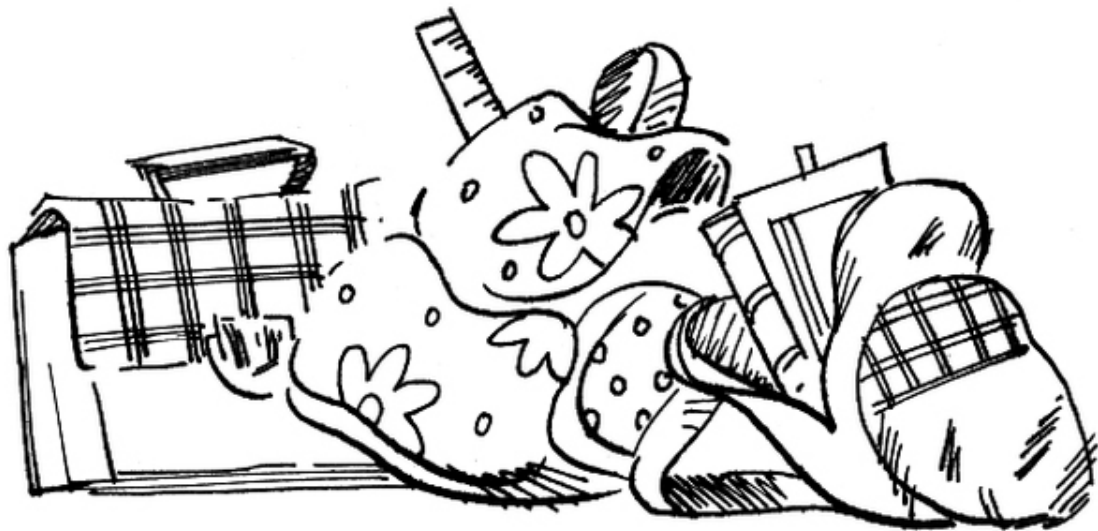
С уважением ко всем читателям *Ирина Антонова*

Веселые рассказы

Иванова, Петров, Сидорова

Петров был двоечник и любил Сидорову.

А Иванову, отличницу и соседку Сидоровой по парте, терпеть не мог. Причём эти любовь и ненависть зародились в его сердце одновременно.

Раньше жизнь Петрова текла беззаботно. Он мирно сидел за партой, разглядывал в окно ворон, а при словах учителя «к доске пойдёт...» резво нырял под парту.

Однажды его умудрились всё же вызвать к доске. Петров, по обыкновению, начал было что-то мямлить. Но вдруг, обводя глазами класс в поисках подсказки, поймал на себе нежный взгляд Сидоровой и... онемел.

А Сидорова открыла учебник и стала шёпотом подсказывать. Иванова дёрнула соседку за рукав и укоризненно покачала головой.

Сидорова покраснела и замолчала, потупив нежный взгляд.

Ну а Петров так и простоял у доски до конца урока – онемевший и растерянный. Зато на перемену выбежал разъярённым: простить уплывшую подсказку он мог, а вот потухший нежный взгляд – никогда!

И с той поры он гонялся по школе за Ивановой. А когда настигал, то со всего маха опускал портфель на учёную отличницу голову.

– У-у, дурак! – раздавался в ответ плаксивый голос.

Как-то раз Петров загнал отличницу в угол. Поднятый портфель готов был обрушиться на неё...

– Влюбился – так и скажи! – выпалила вдруг Иванова. – А рукам волю не давай!

Петров от неожиданности застыл, соображая, как могла Иванова догадаться о его тайных чувствах к Сидоровой? Он же Сидорову тихо обожал. Не толкал, не дразнил, не отнимал тетради с домашним заданием. Вообще не разговаривал: боялся обидеть.

– В кого? – опомнился наконец Петров. – В кого влюбился?

– В меня! В кого же ещё?! Знаем, знаем! Кого любят – за тем и бегают! – И отличница гордо прошествовала мимо. Конечно, ей было приятно, что в неё влюблены. И не важно, что это всего-навсего заурядный двоечник.

Только теперь Петров заметил, что класс шушукается и переглядывается – наблюдает за ним и за Ивановой, за развитием их отношений.

Отличница бросала вокруг победные взгляды. А Сидорова тихо страдала.
Петров соображал туго – дня три, наверное. И вот...
– Си-до-ро-ва-а-а! – эхом разнеслось по коридору. – Эй!
Сидорова обернулась: к ней со всех ног летел Петров. Во вскинутой руке – портфель!

Улыбка осветила лицо Сидоровой. Она сорвалась с места и бросилась наутёк...

Но Петров догнал и со всей силой своей любви приложил портфель к спине возлюбленной.

– У-у, дурак! – выдохнула счастливая Сидорова.

Батончики

Второй день Андрей влюблён в Ёлкину, а она и не догадывается.

Признаться? Но как? Что-то мешало подойти и сказать: «Ёлкина, я тебя люблю». Наконец его осенило.

На большой перемене Андрей вынул из портфеля горсть шоколадных батончиков и подождал Серёжу. При виде конфет глаза у того радостно заблестели.

– Отнеси Ёлкиной, – попросил Андрей.

Серёжин взгляд мигом потух, как пламя спички от сквозняка.

– А сам-то ты чего? – насупился Серёжка.

Андрей не ответил. Он продолжал напутствовать друга:

– Слышь, Серёга! Она начнёт есть, а ты спроси: «Ёлкина, ты любишь батончики?» Она конечно же ответит: «Люблю». Тогда скажи: «А Андрей любит тебя». И слово в слово запомни, что она тебе на это скажет. Понял?

Серёжа вытаращил глаза. Он ничего не понял, но согласно кивнул.

Андрей облегчённо вздохнул.

– Ну, дуй! А я тебя здесь подожду.

Ёлкина доедала последнюю конфету, когда Серёжа уныло спросил:

– Ёлкина, ты любишь батончики?

– Не-а. Терпеть не могу! – И облизнула выпачканные шоколадом губы.

Серёжа возвращался не спеша.

– Ну что? – едва не задохнулся вопросом Андрей.

- Все слопала. – Серёжа сглотнул слюну. – В пять секунд. И ни одного не оставила.
Андрей досадливо отмахнулся.
- Сказала что? Любит?
- Серёжа покачал головой:
- Терпеть, говорит, не могу.
- Андрей ничего не ответил, только крепко сжал кулаки.
- А после уроков он нагнал уходящую домой Ёлкину, забежал вперёд и громко сказал:
- Ёлкина, и я тебя ненавижу!

Приходи ко мне сегодня

На дворе стояла осень. Но дни всё ещё были по-летнему солнечные. Правда, Андрей Самохин этого не замечал. У него неожиданно возникла проблема. По дороге в школу он жаловался Серёже:

– Иванова меня достала! Постоянно придирается да учителям ябедничает. И что мне с ней делать? Может, поколотить?

– Что ты! – испугался Сергей. – Ещё хуже будет. Лучше задобри. Пригласи, к примеру, в гости. Чаем с тортом напои. Подари цветы, наконец! Девчонки это любят. Она растает и к тебе подберет.

Андрей даже остановился. Идея показалась чудовищной.

А Сергей подумал: «Вечно у Андрюхи проблемы с девчонками, а мне приходится их решать».

Иванова, приходи ко мне сегодня в три часа. НЕ ТО пожалеешь.

Самохин

Эту записку Андрей показал Серёже.

– Вот решил сделать, как ты посоветовал.

Сергей прочитал и накинулся на друга:

– Кто же после таких слов к тебе придёт? Я бы не пришёл!

– Почему? – искренне удивился Андрей.

– У тебя получилась угроза. А нужно завлечь. Пообещать: мол, приходи, НЕ пожалеешь.

Серёжа взял да и зарисовал ненужные буквы. Теперь на их месте красовалось яркое сердечко.

– Зачем сердце? Я ж её не люблю! – возмутился Андрей.

– И не надо, – успокоил Сергей. – Это тактический ход. Иначе не придёт.

– Да? – засомневался Андрей, но всё же отослал записку Ивановой.

После уроков Андрей потребовал, чтобы Серёжа тоже участвовал в приёме Ивановой. Но тот наотрез отказался. Даже угрозы типа «ты мне больше не друг!» не помогли.

Пришлось бедному Самохину самому со своей проблемой справляться.

Торт он купил. На городской клумбе нарвал игольчатых астр. И теперь, стоя перед зеркалом, приводил себя в порядок. Непослушные вихры не поддавались. Андрей махнул на них рукой, решил: и так сойдёт. Пора было сервировать стол.

Когда чашки были расставлены, салфетки кокетливо выглядывали из-под блюдец, а букет красовался в центре стола, Андрей принёс из кухни торт.

Тут он вспомнил, что в холодильнике есть ещё коробка шоколадных конфет. Вот здорово! Надо и её поставить. «Чем больше Иванова съест сладкого, тем больше ко мне подберет», – решил Андрей.

Он принёс конфеты и стал подыскивать им место на столе. Коробка была большая и никак не хотела помещаться. Одной рукой переставлять было неудобно, и Андрей временно поставил торт на стул.

Теперь конфеты удачно вписались в сервировку. Цветы наклонили над ними игольчатые головки и, казалось, вдыхают упоительный аромат шоколада.

Андрей залюбовался делом рук своих. Отошёл немного в сторону. Зашёл с одной стороны, потом с другой. И, репетируя, как это будет с Ивановой, опустил на стул.

То, что он ощутил, не поддаётся описанию! Самохина как током ударило: случилось непоправимое!

И в этот самый момент в прихожей раздался настойчивый звонок.

Андрей резко вскочил. Постоял, лихорадочно что-то соображая, и с опаской оглянулся на стул. Никаких сомнений! Розочки с торта переместились на его брюки. А то, что стояло на стуле, и тортом-то назвать язык не поворачивался.

Между тем звонок не унимался. Он делал короткие передышки и вновь заливался требовательным звоном.

Андрей на цыпочках прокрался к двери и прильнул к «глазку». На площадке стояла Иванова. Да не одна, а в сопровождении Сидоровой.

Самохин видел, как постепенно багровеет лицо Ивановой. Слышал, как она громко, с возмущением что-то говорит Сидоровой. А потом схватила подругу за руку и повлекла за собой прочь от ненавистной квартиры.

Постепенно до Андрея дошёл смысл услышанного. По словам Ивановой, выходило, что именно он, Самохин, постоянно издевается над бедной Ивановой, не даёт ей прохода. И вот это его очередная выходка, чтобы снова её унижить. Но он об этом ещё пожалеет!

Глаза Андрея от возмущения вылезли на лоб: он издевается над Ивановой?!

Самохин заметался по квартире. Случайно взгляд его упал на злополучный торт.

– А я-то хорош! Сладенького этой дуре приготовил! – прошипел он.

Недолго думая, Андрей схватил то, что раньше было тортом, выскочил на балкон и швырнул с пятого этажа.

Раздался пронзительный визг. Самохин перегнулся через перила и, к своему ужасу, увидел Иванову и Сидорову. Они только что вышли из подъезда.

Иванова подняла к нему залепленное кремом лицо и мстительно прокричала:

– Ну всё, Самохин! Завтра в школу не приходи!

Эксперимент

Противная задачка никак не решалась.

Серёжа задумчиво смотрел на чистый тетрадный лист. Ему казалось, что решение само вот-вот проступит на бумаге. Но чуда не происходило.

Глаза от напряжения устали, и клеточки запрыгали, нарушая ровное тетрадное поле. Серёжа положил голову на руки и подумал: «Чего я мучаюсь? Андрей наверняка всё решил. Пойду к нему и спишу. А потом и погулять можно».

Он зевнул, поёрзал на стуле, устраиваясь поудобнее, и задремал.

... Серёжа позвонил в квартиру Андрея и прислушался.

– Маша, открой! – долетел из-за двери голос приятеля.

В прихожую Серёжу впустила симпатичная обезьянка шимпанзе в розовом платье, с большим розовым бантом на голове.

– Всё дрессируешь? – входя в комнату, спросил Сергей и кивнул на шимпанзе, которая, слегка переваливаясь, прошла мимо него в ванную.

– Не дрессирую, а провожу эксперимент, – поправил Андрей. Он лежал на диване нога на ногу и ничего не делал.

– Какой эксперимент? – округлил глаза Серёжа.

– Эксперимент по превращению обезьяны в человека! – торжественно объявил Андрей.

– Как это? – заинтересовался Серёжа.

– Учёные считают, что труд сделал из обезьяны человека. И я решил это доказать.

– А как? – стал допытываться Серёжа.

– Поручаю Маше всякую работу, заставляю трудиться, – объяснил Андрей. – Надеюсь, человек из неё получится.

Серёжа осторожно заглянул в ванную. Шимпанзе как раз закончила укладывать бельё в стиральную машину. Она всыпала нужную дозу порошка и с помощью кнопок установила режим стирки.

– Во даёт! – восхитился Серёжа. Теперь, в свете эксперимента, ему всё казалось значительным. – И сдвиги есть?

– Да так, небольшие, – сдержанно ответил Андрей. – Ты-то чего пришёл? – поинтересовался он.

– Задачка не клеится, – ответил Серёжа, проходя в комнату. – А ты решил?

– Не знаю, – беззаботно сказал Андрей. Он приподнялся на локте и крикнул: – Маша! Ты математику сделала?

Серёжа улыбнулся: дескать, меня не проведёшь! Я шутки понимаю.

Шимпанзе не замедлила явиться на зов.

Она подошла к дивану, протянула Андрею учебник и тетрадь.

– Смотри-ка, решила, – сказал Андрей.

– Ха! – не поверил Серёжа и взял тетрадь из рук товарища.

По листу разбегались неровные строчки. Но Серёжа не простачок какой-нибудь! Не обманешь!

– Небось сам решил, а на обезьяну сваливаешь! – ехидно заметил он. – Вон и написано коряво, как у тебя.

– Да, с почерком у неё пока неважно, – согласился Андрей. – Прямо как у меня с математикой. Но зато никто не скажет, что не я решал.

Серёжа сверил ответ задачи с ответом в учебнике.

– Сходится! – обрадовался он. – Дай списать! – И направился к столу.

В соседней комнате натужно взвыл пылесос.

– У тебя что, предки дома? – отрываясь от задачи, шёпотом спросил Серёжа.

– С чего ты взял? – удивился Андрей.

Серёжа молча кивнул на ровный гул мотора.

– А-а, это Маша ковры пылесосит.

Наконец упрямая задачка перебралась в Серёжину тетрадь. Мальчик полюбовался ею и сказал:

– Всё! С математикой покончено. Можно и во двор идти.

– Сейчас пообедаем и пойдём, – отозвался Андрей. – Маша! Обед готов?

В кухне на плите что-то аппетитно шкварчало, а восхитительный аромат яичницы с ветчиной осторожно прокрадывался в комнату.

Серёжа присел рядом с Андреем на диван:

– Как думаешь, далеко ей ещё до человека?

– Спрашиваешь! Конечно! Ей сначала школу окончить надо, потом институт...

Тут в комнату заглянула девочка. Она расправила оборки розового платья и сказала:

– Мальчики, мойте руки. Обед готов! – И розовый бант на её голове согласно кивнул, приглашая к обеду.

Серёжа глядел во все глаза на девочку. Он толкнул Андрея локтем в бок и спросил:

– Кто это?

– Я – Маша, – улыбнулась девочка.

Серёжа долго непонимающе смотрел на неё, а потом вдруг засмеялся и сказал:

– Разыграли вы меня классно! Я и правда поверил, что обезьяна может стирать, готовить, задачки решать. – И он повернулся к Андрею.

Улыбка так и застыла на его лице. На диване в Андрюшиных джинсах и футболке, закинув ногу на ногу, лежал шимпанзе.

– А это кто? – испугался Серёжа.

– Андрей, – ответила Маша и пояснила: – Я – Маша, а он – Андрей.

Серёжа посмотрел на девочку, потом на шимпанзе, снова на девочку и опять на шимпанзе.

– Эксперимент удался! – наконец выдохнул он и опрометью бросился вон из квартиры.

– Куда ты? – удивилась Маша.

– Полы мыть! Ковры пылесосить! Бельё стирать! И задачки!.. Задачки я сам решать буду! – выкрикнул он и... проснулся.

«Вот так сон! – подумал Серёжа. – А во всём эта противная задачка виновата! – И он погрозил ей кулаком. – Пойду к Андрею».

Серёжа захлопнул тетрадь, встал. Неожиданно его глаза встретились с глазами... шимпанзе. На ярком, красочном плакате, что висел над письменным столом, она рекламировала новый суперпылесос. Серёжа сел на стул, тихо вздохнул и снова открыл тетрадь.

Мы сейчас...

Моросил осенний мелкий дождь.

Славка Пузырёв и Валера Белкин стояли под деревянным грибом песочницы и поджидали Ленку.

Мухина, как видно, не торопилась. Может, пережидала дождь. А может, это ребята пришли слишком рано.

– Я пойду-у? – поканючил Белкин.

– Что ты! – испугался Славка. – Сейчас Ленка придёт, все вместе и двинем.

– Ты влюбился – ты и гуляй с ней! – ныл Валера. – А мне уроки делать надо!

Наконец из подъезда показалась Мухина.

Пузырёв деловито ощупал туго набитые карамелью карманы: для Ленки целый килограмм припас!

– Здравствуй, Лен! А мы тебя заждались. Айда в парк! – выпалил он.

– Знаешь, Пузырёв, – загадочно произнесла Мухина, ковыряя носком кроссовки песок, – у нас тут с Белкиным дело. Валер, можно тебя на минутку? – И она потянула его за рукав.

Белкин недоуменно пожал плечами и нехотя тронулся следом.

– Вы куда? – забеспокоился Славка.

– Мы сейчас... – пообещала Мухина, сворачивая за угол дома.

Пузырёв развернул конфету, сунул за щёку и приготовился ждать.

Белкин едва нагнал спешащую к остановке Ленку.

– Какое дело, Мухина?

– Узнаешь, – неопределённо ответила она и вдруг крикнула: – Бежим!

И Белкину ничего не оставалось, как припустить следом.

Двери трамвая с шумом захлопнулись за их спинами.

– Куда мы? – отдуваясь после бега, спросил Валера.

– В парк! – развеселилась Мухина.

– Как в парк? – опешил Белкин. – А Славка? Мы же все вместе собирались...

– А зачем он нам? – удивилась Ленка. – Мы и вдвоём неплохо проведём время.

– Но ведь Славка нас ждёт, – продемонстрировал свою бестолковость Белкин.

– Подождёт, подождёт и уйдёт, – отмахнулась Ленка.

– Ну, Мухина, ты даёшь! – изумился Валера. – Славка ведь, того... ну, то есть это...

нравишься ты ему.

– Так это я ему, а не он мне. – И Мухина весело рассмеялась.

Небо ненадолго очистилось от туч. Выкатилось скупое осеннее солнце.

Пузырёв ждал. Карманы наполовину опустели. Лёгкий ветерок слегка шевелил рассыпанные по песку карамельные фантики.

– Сейчас, сейчас они придут, – убеждал себя Пузырёв, отправляя в рот очередную конфету.

Карусельные зонтики то рвались в небо, то стремительно неслись к земле.

Ленка хохотала и визжала как ненормальная. Вскоре и Белкин заулыбался.

А потом в полумраке видеозала было шоколадное мороженое вперемежку с вампирами, привидениями и прочей нечистью.

После фильма вышли на улицу. Смеркалось. Снова моросил дождь.

Они проехали несколько остановок в просторном аквариуме трамвая. Валера сошёл первым, обернулся и подал Лене руку. Так и дошли до её подъезда, крепко держась за руки.

– Мне пора, – проговорила Мухина и, привстав на цыпочки, быстро чмокнула Белкина в щёку. – Пока!

– Пока... – растерялся тот, чувствуя, что краснеет.

И тут под грибом песочницы Белкин заметил Пузырёва. Он стоял всё так же, прислонившись спиной к столбу.

Валера подошёл.

– Слав, ты чего здесь? – испуганно спросил он. И вдруг увидел, что вся песочница усыпана фантиками. – Ты что, все конфеты один съел? – не поверил Белкин. – А мы... это... – и, не зная, что сказать, умолк.

– Гад ты, Валерка! – И Пузырёв со злостью выплюнул недоеденную карамель. – Ещё в третьем классе надо было тебе накостылять, когда Танька вместо меня с тобой переписываться стала! – Пальцы его собрались в кулаки. – Я пожалел. А ты... А-а! – И он, махнув в сердцах рукой, поплёлся прочь.

– Славка! Я тут ни при чём! – попытался защититься Белкин. – Разве я виноват, что они сами... – прошептал он в пустоту тёмного двора.

Свет фонаря радугой переливался в каплях воды на разбросанных карамельных фантиках.

Моросил осенний мелкий дождь.

Записка

Во время урока от парты к парте путешествовала записка. Две пары мальчишечьих глаз внимательно следили за ней.

– Зря ты не подписываешься, – прошептал Карпухин Марочкину. – Так она никогда не догадается от кого.

– Ничего, поймёт! – отмахнулся Марочкин. – Когда она оборачивается, я смотрю на неё ОСОБЕННЫМ взглядом. – И он показал, как это делает.

От такого взгляда и без того взъерошенные волосы Карпухина встали дыбом.

– Я бы не понял, – честно признался он.

Конечно, Марочкину хотелось поставить подпись в записке, но он опасался, что она попадёт в руки учительнице или, что ещё хуже, кто-нибудь из одноклассников не вытерпит и прочтёт. Его же засмеют!

Вот Карпухин – другое дело. Карпухин – ДРУГ! Он хоть и презирает девчонок, но потешаться над Марочкиным не станет.

Наконец записка добралась до адресата. Миронова, украдкой поглядывая на учительницу, быстро развернула её.

– Ну что там? – сгорая от любопытства, спросила подружку Любочка, стараясь заглянуть через плечо. И две косички её приподнялись.

– Опять то же самое, – кисло ответила Миронова.

Под пронзённым стрелой сердцем красным фломастером горели слова:

Я тебя люблю! А ты?

Девочки, не сговариваясь, обернулись. Марочкин смотрел на них своим ОСОБЕННЫМ взглядом.

Карпухин вдруг почувствовал, что глаза его сами собой вытаращиваются и, как у Марочкина, лезут на лоб. И ничего с этим нельзя поделать.

Три дня назад, когда Миронова получила первую записку, Любочка сказала:

– Счастливая ты, Миронова! Не каждой девочке в пятом классе в любви объясняются.

А сейчас, когда пришла десятая, она сделала вывод:

– Чёрствая ты, Миронова! После такого количества признаний и я бы полюбила.

– Но я не знаю, кто их пишет, – оправдывалась Миронова.

– А чего тут знать! Это или Карпухин, или Марочкин, – кивнула на два ОСОБЕННЫХ взгляда Любочка. – Разве ты не видишь, как они на тебя смотрят?

Миронова задумалась, а потом робко сказала:

– И я полюбила!

– Кого? – вздрогнула Любочка.

– Ну... того... кто писал, – замялась Миронова.

– Тогда напиши ему об этом! – потребовала Любочка.

А у доски учительница продолжала объяснять новый материал.

Миронова старательно корпела над запиской.

– Подпись ставить? – спросила она.

– Зачем? Он и так догадается.

Миронова сложила исписанный листок и застыла в нерешительности.

– Ну что же ты? – поторопила Любочка. – Надписывай и посылай.

– Кому? – вымученно спросила Миронова.

Любочка вдруг выхватила записку, быстро что-то на ней нацарапала и послала по рядам.

На парту друзей легла долгожданная бумажка. Карпухин пододвинул её Марочкину:

– Читай!

Марочкин дёрнул плечом:

– Тебе прислали, ты и читай!

Карпухин, сопя, развернул записку. Под кружевным сердечком робко сообщалось:

И я тебя тоже.

Он долго, не понимая, смотрел на фразу. Затем огляделся. Взгляд Марочкина был устремлен в бесконечность, Миронова, красная от смущения, уставилась в парту.

Зато Любочка сияла ОСОБЕННЫМ нежным взглядом.

Карпухин ещё раз перечитал записку. Что-то шевельнулось в его душе. Он вытаращился на Любочку и, сам того не ожидая, вдруг одними губами прошептал:

– И я тебя тоже...

Сколзанка

Редкие медленные снежинки падали и таяли на раскатанной множеством ног ледяной дорожке – сколзанке. Влюблённый Скворцов подпирал плечом липу и терпеливо ждал.

«Может, хоть сегодня повезёт, – думал он. – Она подойдёт ко мне и спросит: „Мальчик, тебя как зовут?“ Я отвечу: „Саша!“ Она назовёт мне своё имя. И мы наконец-то познакомимся».

Из подъезда вышла девочка и заспешила к ледяной дорожке.

Скворцов заволновался: «Главное – попасться ей на глаза». Он отлепился от липы, подошёл к сколзанке и замер, словно снежный истукан.

Девочка с разбегу проскользила по льду мимо и... не обратила на Скворцова внимания.

Саша вздохнул: «Опять не вышло! Может, завтра получится?» И собрался идти домой.

– Так она никогда не обратит на тебя внимания, – произнёс кто-то.

Скворцов вздрогнул и обернулся. Позади – о ужас! – стоял прилипала Тарасов.

– О чём ты? – прикинулся дурачком Скворцов.

Тарасов разбежался и с удовольствием прокатился по льду.

– Я не первый раз вижу, как ты эту девчонку подкарауливаешь. Дело ясное: познакомиться хочешь, – сказал он. – Но действовать надо не так.

– А как? – невольно вырвалось у Скворцова.

Тарасов ещё раз, но теперь уже задумчиво проехал по льду.

– Придумал! У тебя носовой платок есть?

Скворцов долго обыскивал себя в надежде, что платок не отыщется и можно будет улизнуть от Тарасова. Но платок предательски выпал из кармана на снег.

А Тарасов катался взад-вперёд и разрабатывал стратегический план.

– Мы подкараулим её здесь! Она разбежится, покатится. Я – следом. Слегка подтолкну плечом. Она – шлёп! – и в слёзы. А ты тут как тут. Сунешь ей платок и скажешь: «Я Скворцов, а ты кто?» Вот и познакомитесь.

Приближались сумерки. Скворцов с носовым платком наготове ходил вдоль раскатанной дорожки. Он то негромко повторял: «Я Скворцов, а вас как зовут?», то молча ругал себя за то, что связался с Тарасовым.

А Тарасов притаился за липой. Он порядком замёрз, но нисколько не жалел о затее. Надо ведь другу помочь!

Наконец из-за поворота показалась та самая девочка. Плавнo понесла её на себе ледяная дорожка. Скворцов от страха зажмурился: сейчас он должен будет с ней заговорить!

И тут на сколзанку выскочил Тарасов. Но не успел он преодолеть и половину пути, как ноги его часто-часто засеменяли по льду, а потом и вовсе разъехались. Тарасов широко раскинул руки и шлёпнулся на живот. Неторопливо, словно самолёт на посадке, подкатил он к Скворцову и ткнулся головой в ноги.

Скворцов подумал, что перед ним предмет его обожания. Не открывая зажмуренных глаз, он опустился на одно колено, протянул платок и дрожащим от волнения голосом пробубнил намертво заученную фразу:

– Я Скворцов, а вас как зовут?

– Тарасов я, Тарасов! – колотя от досады кулаком по льду, ответил тот.

Скворцов открыл глаза, посмотрел на барахтающегося приятеля, на подъезд, в котором скрылась таинственная незнакомка, и со вздохом сказал:

– Вот и познакомились!

Реклама

Обычно после уроков Витя Тарасов куда-нибудь спешит. Сегодня ему вдруг потребовались золотые рыбки, и он решил съездить в зоомагазин.

В переходе метро Витя неожиданно наткнулся на Сашу Скворцова. Тот стоял возле стены с толстой пачкой газет.

– Торгуешь? – догадался Тарасов. – На жизнь зарабатываешь?

Скворцов поморщился. Не хватало ему перед Витькой оправдываться!

– Бабушке помогаю, – нехотя ответил он. – Она сегодня неважно себя чувствует.

– Ну и как бизнес? – не отставал неугомонный Тарасов.

– Плохо. Только две штуки продал, – пожаловался Скворцов.

– Да кто же так торгует?! – быстро просматривая газету, возмутился Тарасов. – Стоишь как истукан! Сейчас я покажу, как надо! – Похоже, ему было уже не до рыбок.

Он взял у Саши полпачки газет, вышел на середину перехода и стал кричать:

– Покупайте газеты! Покупайте газеты! Сенсация сегодняшнего дня! Беспроигрышная лотерея!

Раскрыв рот, Скворцов наблюдал, как виртуозно мечется Тарасов от одного прохожего к другому, продолжая выкрикивать:

– Того, кто купит сто лотерейных билетов, ждёт бесплатная поездка в Париж!

Прохожие быстро раскупили у Тарасова газеты, и он вернулся к Скворцову с пачкой денег. Победно глядя на приятеля, Витя сказал:

– Видал, как надо?

Скворцов удивился:

– Где ты вычитал про бесплатную поездку в Париж?!

– А нигде, это я для рекламы.

– Побьют! – обречённо сказал Скворцов.

– Не бойся! – успокоил Тарасов. – Статья про лотерею в газете есть? Есть! Дли-и-инная!

Пока прочтут – на другом конце Москвы окажутся. А мы с тобой на другую станцию перейдём. Во всём, друг Скворцов, смекалка нужна. А теперь давай ты попробуй.

– Неудобно как-то людей обманывать, – засомневался Скворцов. – Ведь статья-то про мошенников, которые разными лотереями доверчивых людей облапошивают.

– А мы никого не обманываем! – возмутился Тарасов. – Мы же газету продаём! А в ней много чего полезного напечатано. И потом, газета в хозяйстве всегда пригодится! Ну, там селёдку завернуть...

Скворцов, сломленный железными доводами приятеля, несмело вышел на середину перехода и оглянулся.

– Давай-давай! – подбодрил Тарасов.

Скворцов робко начал:

– Бесплатная лотерея... Беспроигрышный Париж...

Вокруг него мигом собралась толпа желающих отправиться в Париж.

Утром Скворцов вышел из дома пораньше. Надо было успеть перед школой забежать к бабушке и отдать деньги от проданных вчера газет.

Проходя мимо «Сбербанка», он заметил, что от самых дверей тянется длинная очередь. Скворцов равнодушно шёл вдоль неё и вдруг в толпе заметил Тарасова.

– Ты чего это? – спросил, подходя, Саша.

– Вот решил сто лотерейных билетов купить, – серьёзно ответил приятель.

– Зачем?! – удивился Скворцов.

– Хочу бесплатно в Париж поехать. Диснейленд посмотреть.

Глаза у Скворцова стали как блюдца.

– Разве это возможно?! Ведь про Париж ты сам вчера придумал!

– Придумал-то я, но люди зря стоять не будут! – И Тарасов указал на всё прибавляющуюся очередь.

– Это все за лотерей? – не поверил Скворцов.

– А ты думаешь! – подтвердил Витя.

– Слышь, Тарасов, – засуетился Скворцов, – я впереди тебя стою! Я ещё с вечера очередь занял!

Он вынул из кармана бабушкины деньги и стал пересчитывать, бормоча под нос:

– Париж... Диснейленд... Непременно сто билетов куплю! Вдруг мне повезёт!

Джинн and Тоник

Сегодня Серёжа опять схлопотал в школе двойку. А это значило, что вечером его ждёт неприятный разговор с родителями.

И теперь он понуро брёл домой по пустынной улице, сердито поддавая ногой мелкие камешки. Вдруг на его пути оказалась жестяная синяя банка с английской надписью: GIN amp; TONIC.

Серёжа, не раздумывая, что есть силы ударил по ней ногой.

Банка неожиданно оказалась полной. Она взмыла вверх, легко преодолевая сопротивление воздуха, описала красивую дугу и прямёхонько угодила в фонарный столб.

От удара металлическая затычка вылетела, и из банки повалил густой дым.

«Бомба!» – испугался Серёжа и отбежал на несколько шагов в сторону. Он присел на корточки, прикрыл голову руками, ожидая, что вот-вот рванёт. Сто раз предупреждали его мама с бабушкой ничего на улице не трогать! А он...

Между тем дым из банки валить перестал. Он застыл на месте и постепенно обрел очертания джинна. Что это джинн, Серёжа догадался сразу. Недаром его любимой книжкой был «Старик Хоттабыч».

Джинн покачался немного в воздухе, а потом сказал:

– Приказывай, мой повелитель!

Серёжа ничуть не растерялся. В джиннов он верил всегда. И знал, что ему когда-нибудь повезёт с одним из них повстречаться. Поэтому он по-хозяйски оглядел Джинна и спросил:

– А что ты можешь?

– Всё! – заверил Джинн.

– А роликовые коньки достать можешь? – выдал свою заветную мечту Серёжка.

– Могу!

– Ладно, не надо. Мне родители и так купят, – решил Серёжа, лихорадочно соображая, что бы такое попросить, что обычным путём получить невозможно. – А уроки за меня сделать можешь?

– Раз плюнуть! – И Джинн плюнул на асфальт, демонстрируя несерьёзность просьбы.

– Здорово! – похвалил Серёжа. – Но этим мы после займёмся. А двойку по математике исправить слабо?

– Да запросто! – лениво отмахнулся Джинн и зевнул.

Серёжа моментально выхватил из рюкзака дневник и раскрыл на странице со свеженькой двойкой.

– А ну-ка!

Прямо на глазах жирная двойка превратилась в ещё более жирную пятёрку.

– Порядок! – подскочил от радости Серёжа. Сунул дневник в рюкзак, подобрал банку с надписью GIN amp; TONIC и скомандовал: – Полезай!

Джинн нехотя втянулся в жестянку, и Серёжа весело побежал домой.

Дверь ему открыла бабушка.

– Пришёл? Как дела в школе? – с порога спросила она.

Серёжа, распираемый гордостью, протянул ей дневник.

– Вот!

Бабушка вытерла о фартук и без того чистые руки и с благоговением открыла дневник.

– Что? Что это? Опять?! – схватила она за сердце.

Серёжа глянул в дневник и, к своему ужасу, обнаружил в нём вместо пятёрки всё ту же двойку.

– Это... Это... – начал мямлить он. – Бабушка, я... я... честное слово, исправлю! Не говори только папе с мамой, пожалуйста. Хочешь, я сам уберу свою комнату? Всё-всё на места расставлю.

Бабушка сердито поджала губы и молча удалилась в кухню.

Серёжа ворвался в свою комнату, плотно прикрыл дверь и достал из рюкзака синюю металлическую банку.

– Эй, Джинн! – позвал он.

Джинн не замедлил появиться.

– Приказывай, мой повелитель! – сказал он.

– Ты что наделал?! – возмутился мальчик.

– Это не я! Это Тоник. Он всегда всё делает наоборот.

– Какой ещё Тоник? – не понял Серёжка.

Джинн кивнул на банку.

Серёжа повертел её, остановился глазами на надписи и вслух прочитал:

– «Джин энд тоник»...

– Ну, – кивнул Джинн. – Я ж говорю: нас двое.

– А где он? Где Тоник? – заволновался Серёжа.

– Где ж ему быть? В банке, конечно.

Серёжа встряхнул как следует жестянку. Из неё послышался недовольный голос:

– Чего надо?

– А ну вылезай! – потребовал Серёжа.

– Не вылезу! – отказался Тоник.

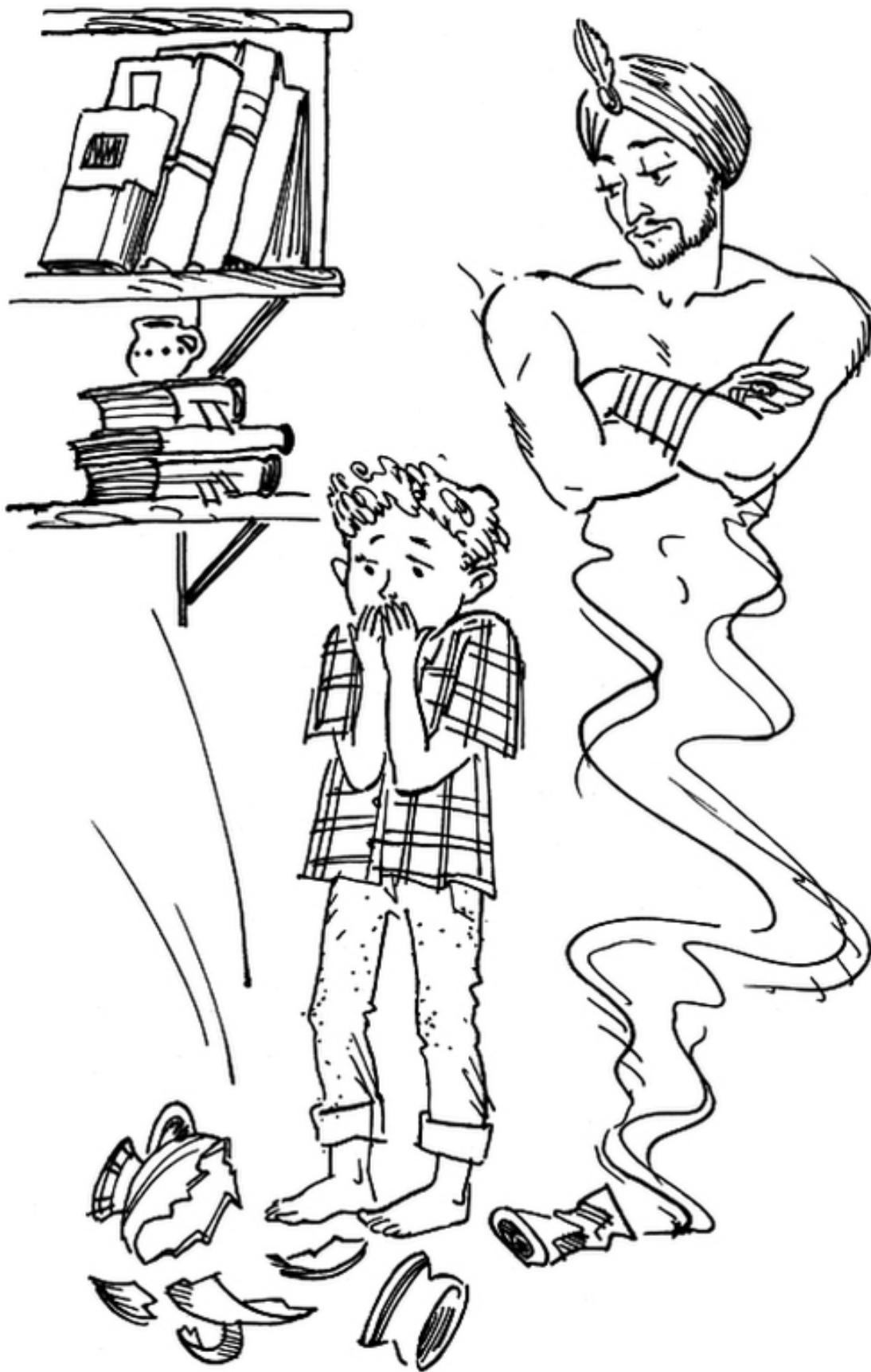
– Как это – не вылезу? – опешил Серёжа и сильнее затряс банку. – Вылезай, тебе говорят!

– Ещё чего! – сообщил Тоник.

– Ах так! – разозлился Серёжа и бросил банку на пол. Он стал топтать её ногами, приговаривая: – Вот тебе! Вот тебе! Вот тебе!

А Тоник вторил ему:

– Не вылезу! Не вылезу! Не вылезу!

Джинн наблюдал молча, болезненно морщился, хватался руками за скулы, словно у него ныли зубы, и недовольно качал головой.

Стены комнаты дрожали, с полок на пол сыпались книги, опрокидывались стулья. Грохот стоял как во время грозы. Но Серёжа в азарте ничего не замечал. Пока не сорвалась со шкафа и не разбилась нарядная фарфоровая вазочка. Бабушкина. Старинная.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.